

Т.Г. Недзельюк*

**КЛАДБИЩЕ И ПОГРЕБАЛЬНАЯ ОБРЯДНОСТЬ
В КАРТИНЕ МИРА СИБИРЯКОВ-КАТОЛИКОВ
(XIX–XX ВЕКА)**doi:10.31518/2618-9100-2024-3-22
УДК 272-9(571.1/5)*Выходные данные для цитирования:
Недзельюк Т.Г. Кладбище и погребальная обрядность в картине мира сибиряков-католиков (XIX–XX века) // Исторический курьер. 2024. № 3 (35). С. 286–298.
URL: <http://istkurier.ru/data/2024/ISTKURIER-2024-3-22.pdf>*

T.G. Nedzelyuk*

**CEMETERY AND FUNERAL RITES IN THE PICTURE
OF THE WORLD OF CATHOLIC SIBERIANS
(19TH–20TH CENTURIES)**

doi:10.31518/2618-9100-2024-3-22

*How to cite:
Nedzelyuk T.G. Cemetery and Funeral Rites in the Picture of the World of Catholic Siberians (19th – 20th Centuries) // Historical Courier, 2024, No. 3 (35), pp. 286–298.
[Available online: <http://istkurier.ru/data/2024/ISTKURIER-2024-3-22.pdf>]*

Abstract. The article is devoted to the characteristics of funeral rites in the picture of the world of Catholic Siberians at the turn of the 19th–20th centuries. The unity of the funeral tradition, the community of the memorial meal act as markers of confessional identity, express a sense of community of fate, which in practice is a manifestation of the “otherness” of the picture of the world of the living, remembering the inevitable death for everyone. In the canon law of the Catholic Church, there is no categorical prohibition of funeral prayers for anyone, including non-believers and atheists. Catholics, regardless of nationality, were traditionally classified as “non-Russians” in Siberia, so it can be assumed that their burials would have to be located separately from the Orthodox. In practice, this was not quite the case in Siberian cities. In Novonikolaevsk, the city churchyard was historically common to representatives of all faiths, but was divided into sectors: Orthodox, Muslim, Jewish, Catholic and Lutheran. Omsk Catholics received a plot of land for a cemetery in 1895 behind the Cossack cemetery. The Irkutsk burials took place in the Catholic part of the Jerusalem city cemetery. In some cases (the absence of a confessional necropolis, death at a railway station, burial of a soldier who died in a hospital), the deceased could be buried in other places. It is reliably known that in Tobolsk the deceased Catholics are buried in the Zavalny cemetery, in Barnaul there were several graves next to the building of the Catholic church. In Omsk and Tomsk, there were special chapels in cemeteries where the funeral rite took place. As a rule, St. Anthony of Padua was the patron saint of such chapels. The burden of maintaining the cemetery was distributed by the churchwarden among the members of the community. The villagers are more eager to preserve family traditions, and caring for the graves of their ancestors in their picture of the world seems to be a sacred duty of the living.

Keywords: Siberia, Catholics, worldview, the idea of death, funeral rites.

*The article has been received by the editor on 01.03.2024.
Full text of the article in Russian and references in English are available below.*

* **Татьяна Геннадьевна Недзельюк**, доктор исторических наук, Сибирский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы, Новосибирск, Россия; Тобольская комплексная научная станция Уральского отделения Российской академии наук, Тобольск, Россия, e-mail: Nedzelyuk-tg@ranepa.ru

Tatyana Gennadiyevna Nedzelyuk, Doctor of Historical Sciences, Siberian Institute of Management – A Branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration, Novosibirsk, Russia; Tobolsk Integrated Scientific Station of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Tobolsk, Russia, e-mail: Nedzelyuk-tg@ranepa.ru

Аннотация. Статья посвящена характеристике погребальной обрядности в картине мира сибиряков-католиков рубежа XIX–XX столетий. Единство погребальной традиции, особенности поминальной трапезы выступают маркерами конфессиональной идентичности, выражают чувство общности судьбы, что на практике является проявлением «инаковости» картины мира живых, помнящих о неизбежной для каждого смерти. В каноническом праве католической церкви не существует категорического запрещения заупокойных молитв в отношении кого бы то ни было, включая иноверцев и атеистов. Католиков, вне зависимости от национальности, в Сибири традиционно относили к «нерусским», поэтому можно предположить, что и захоронения их должны были бы располагаться отдельно от православных. На практике же в сибирских городах это было не совсем так. В Новониколаевске городской погост исторически являлся общим для представителей всех вероисповеданий, но был разбит на сектора: православный, мусульманский, иудейский, католический и лютеранский. Омские католики получили участок земли для кладбища в 1895 г. за Казачьим кладбищем. Иркутские совершали захоронения в католической части городского Иерусалимского кладбища. В ряде случаев (отсутствие конфессионального некрополя, смерть на железнодорожной станции, погребение скончавшегося в госпитале военнослужащего) умершие могли быть похоронены и в иных местах. Достоверно известно, что в Тобольске умершие католики похоронены на Завальном кладбище, в Барнауле рядом со зданием католической церкви находилось несколько захоронений. В Омске и Томске на кладбищах находились специальные часовни, где происходил обряд отпевания. Как правило, небесным покровителем таких часовен был святой Антоний Падуанский. Бремя содержания кладбища распределялось церковным старостой между членами общины. В наше время селяне в большей мере стремятся сохранить семейные традиции, а уход за могилами предков в их картине мира представляется святой обязанностью живых.

Ключевые слова: Сибирь, католики, картина мира, представление о смерти, погребальная обрядность.

Статья поступила в редакцию 01.03.2024 г.

Настоящее исследование посвящено характеристике исторического образа-представления, обладающего непреходящей ценностью: у каждого из народов мира сформировалось, поддерживается и часто служит маркером идентичности представление о смерти и загробном мире (жизни души после гибели телесной оболочки). Апокалиптические настроения рубежа тысячелетий актуализировали востребованность данного образа-представления. Погребальные обряды классических греков, персов и алан являют собой классический образец консервации социокультурных традиций¹. Достаточно хорошо изучены особенности заупокойных ритуалов славян². Между тем в контексте «вечной темы» переселения народов особенного внимания заслуживают аспекты сохранности либо трансформации обрядовых действий у народов, сменивших место коллективного жительства³. Ранее в своих исследова-

¹ Суриков И.Е. Погребальная обрядность в архаических и классических Афинах: религиозные, социокультурные, политический аспекты // Восточная Европа в древности и средневековье. 2021. Т. 33. С. 266–271; Кануков З.Т. Погребальная обрядность алан и персов: схождения и интерпретации // Вестник Северо-Осетинского государственного университета им. К. Хетагурова. 2023. № 3. С. 66–74.

² Андрионина М.А. Погребальная и поминальная обрядность Пружанщины по материалам полевой экспедиции 2019 г. в Пружанский район Брестской области Белоруссии // Вестник антропологии. 2020. № 1 (49). С. 163–191; Бережнова М.Л., Крих А.А. Гриневици: польское кладбище «русской деревни» // Сибирская деревня: прошлое, настоящее, будущее: сб. науч. тр. Омск, 2010. Ч. 2. С. 432–436.

³ Виженкас Э.В. Погребальная обрядность села Вершина Иркутской области // Живая старина. 2021. № 2 (110). С. 21–24; Голант Н.Г., Струтинский И.М. Погребальная обрядность влахов долины Тимока. Обзор экспедиции в Восточную Сербию // Славяноведение. 2023. № 2. С. 125–135; Недзелюк Т.Г. Мигранты в Сибири и из Сибири: к вопросу о многоплановости векторов государственно-конфессиональных отношений // Сибирь и Россия: история и культура: мат-лы X Сибирского исторического форума (Красноярск, 18–20 октября 2023 г.). М., 2023.

ниях я косвенно обращалась к этому сюжету⁴, однако объектом специального исследования представления о смерти и погребальной обрядности сибиряков-католиков стали впервые. Побудительным мотивом к актуализации указанной тематики стал дискурс, связанный с пандемией COVID-19, с особенностями восприятия эпидемической угрозы и реакцией на нее представителей разных вероисповеданий, с вовлеченностью священнослужителей в ставший глобальным социокультурный процесс⁵. Архивные находки в коллекциях Государственного архива Томской области (далее ГАТО) и Российского государственного исторического архива в Санкт-Петербурге (далее РГИА) укрепили мысль о необходимости углубленного анализа документального и этнографического материала. Цель статьи задана мейнстримным в настоящее время стремлением к сохранению культурного наследия и разнообразия народов, населяющих нашу страну.

В картине мира последователей большинства религиозных традиций сформировалось представление о том, что интенции об усопшем, сопровождаемые специальными ритуалами, призваны улучшить его посмертную участь. Христианская заповедь любви к ближнему предполагает, что эта любовь распространяется не только на живых, но и на умерших. Классической формой поминовения усопшего является включение его имени в евхаристическое богослужение (именно об этой процедуре, как заповеданной апостолами, говорится в трудах целого ряда церковных авторов IV–V вв.: Амвросия Медиоланского, Кирилла Иерусалимского, Иоанна Златоуста и др.). Пройдя через века, древняя форма молитвенных обращений по-прежнему сохраняется в богослужебной практике. Получив музыкальное сопровождение, молитвословия сформировали жанр реквиема: «*Paх tibi (vobis, spiritui tuo, in aeternum, tibi cum angelis, cum sanctis)*» – «Мир тебе (вам, духу твоему, вовеки, тебе с ангелами, со святыми)»; «*Aeterna lux tibi*» – «Вечный свет тебе (да светит)»⁶.

Кто может выступить адресатом реквиема? В сложившемся каноническом праве католической церкви не существует категорического запрещения молитв в отношении кого бы то ни было, включая иноверцев и атеистов. По умолчанию «допускается возможность того, что и они могли умереть в состоянии благодати; однако, согласно нормам церковной дисциплины, за них невозможно публичное совершение евхаристической жертвы и других поминальных служб; традиционно в этом случае допускалась лишь частная месса»⁷. В настоящем исследовании мы рассматриваем временной промежуток XIX–XX вв. и прекрасно понимаем, что далеко не все сибирские католики являлись добропорядочными прихожанами: кто-то прибыл в Сибирь по приговору уголовного либо административного суда за совершение противоправных действий, другие из них (в том числе социалисты-революционеры) могли быть атеистами. Возможно, в том числе, и по причине указанных мотивов представление об умершем социально маркировалось как «ушедший в мир иной», «отправившийся в лучший мир».

Особенностью католического вероучения, отличающей его от других христианских конфессий, является представление о наличии переходного этапа от жизни к смерти, что предполагает молитвенную заботу о душах, находящихся в чистилище.

Сложилась практика поминовения усопших в определенные дни литургического года. Еще со времен раннего Средневековья практикуются дни общего поминовения ушедших в мир иной: суббота перед началом Великого поста, а также накануне Пятидесятницы; установлен и специальный День поминовения всех усопших верных (2 ноября). В последнем случае на кладбище совершается общее моление на кладбище, а также молитвенная процессия (крестный ход). Днями индивидуального поминовения приняты неделя и месяц после

С. 1190–1194; Фурсова Е.Ф. Традиционно-бытовые особенности культуры белорусов-переселенцев конца XIX – начала XX в. (по материалам этнографических экспедиций) // Белорусы в Сибири. Новосибирск, 2000. С. 102–124.

⁴ Недзельюк Т.Г. Конфессиональное сообщество католиков Сибири: влияние мировоззрения на повседневную жизнь (1830–1917 гг.). Новосибирск, 2016.

⁵ Недзельюк Т.Г. Сибирские духовные лица в борьбе с эпидемиями // Религиоведение. 2023. № 1. С. 15–21.

⁶ Католическая энциклопедия. М., 2007. Т. 3. С. 1638.

⁷ Там же. С. 1640.

кончины, а также годовщины смерти (что расходится с православной традицией поминания на девятый и сороковой день после смерти).

К сугубо каноническим правилам всегда примешиваются национальные, а нередко и узколокальные традиции. Католики Сибири в основном были представлены немцами и поляками, а потому на основании анализа отчетов этнографических экспедиций, предпринятых сотрудниками Омского государственного университета, можно с уверенностью говорить о немецких и польских традициях поминовения мертвых.

Духовных лиц всех исповеданий, в том числе и католического, в Сибири всегда было мало: к духовному подвигу были готовы не все выпускники семинарий. В сельской местности – чрезвычайно мало. Зная об этом и заранее планируя визит священника, прихожане ряда соседних сельских обществ составляли коллективное обращение, где приговором сельского схода устанавливали «плату за литургические услуги». Сохранился образец такого обращения жителей поселка Мариенбург Ново-Покровской волости Змеиногорского уезда Томской губернии от 13 сентября 1909 г.: «Так как дети наши умирают без крещения, люди умирают без исповеди и святых тайн <...>, постановили: за венчание каждое платить не менее трех рублей, за крещение ребенка по одному рублю, за предание теле земле по одному рублю. Протокол подписан всеми 130 домохозяевами⁸».

Обратим внимание на особенности устройства захоронений. По прошествии времени именно «инаковость» в обустройстве надгробных плит и памятников позволяет идентифицировать могилы католиков.

Рис. 1. Вознесенская церковь на Вознесенском кладбище Томска. Помимо православной, Вознесенское кладбище имело стороны: старообрядческую, католическую, магометанскую и еврейскую. Фото начала XX в.

Согласно и европейской, и российской погребальным традициям, усопших вплоть до XVIII в. было принято хоронить на церковной земле; католические храмы исключением не являлись.

⁸ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 826. Оп. 1. Д. 1825. Л. 2.

Рис. 2. Пространство вокруг храма Томского католического костела св. Розария. Фото автора

Еще в правление императрицы Екатерины II (1762–1792) сформировалось российское законодательство о погребении. Его основополагающие каноны получили закрепление во «Врачебном уставе» (вошел в Свод Законов Российской империи 1857 г.). В соответствии с положениями упомянутого устава, кладбища в Российской империи могли быть устроены таким образом, чтобы в городах расстояние от них до крайнего в населенном пункте жилья составляло не менее 100 саженей (213 м), в сельской же местности места массовых захоронений должны были отстоять от жилого сектора на расстоянии не менее полуверсты (250 саженей). В связи со сложной санитарно-эпидемиологической обстановкой в городах было запрещено хоронить умерших в храмах и на их территории за исключением «особо важных случаев», к коим относились захоронения епископов, аббатов, правителей, а также меценатов, на средства которых храм был построен⁹. Департамент духовных дел Министерства внутренних дел Российской империи выпустил целый ряд инструкций, которые в составе коллекции Российского государственного исторического архива впоследствии были объединены в «Дело о разрешении и запрещении погребения тел умерших католиков в подвалах римско-католических церквей и устройства склепов. 1866–1909 гг.». Инструкции, объединенные под единым заголовком «Римско-католические кладбища. 11 ноября 1910 – 22 октября 1914 гг.», определяли порядок устройства католических некрополей¹⁰.

Согласно каноническому праву католической церкви, кладбища должны быть освящены. Простое освящение, именуемое также благословением, могло быть совершено любым священнослужителем; торжественное же освящение могло быть произведено только правящим епископом либо специально уполномоченным на это клириком. В случаях когда конфессионального кладбища в населенном пункте не имелось, захоронение производилось на общегородском кладбище; каноническое право и богослужебные традиции предусматривали соответствующий обряд освящения отдельной могилы на нецерковном кладбище.

⁹ Католическая энциклопедия. М., 2005. Т. 2. С. 1051–1052.

¹⁰ РГИА. Ф. 821. Оп. 128. Д. 253.

В таком случае перед тем как опустить в нее тело умершего, священник освящал саму могилу¹¹.

Рис. 3. Памятный камень на территории Томского католического храма св. Розария. Фото автора

По сведениям справочного издания «Города России», в 1910 г. католические кладбища имелись в следующих городах Сибири: в Тюмени, Таре и Кургане (Тобольская губерния), в Бийске, Каинске, Мариинске, Ново-Николаевске и Томске (Томская губерния), в городе Омске Акмолинской области, в Чите – Забайкальской, во Владивостоке – Приморской. Амурская и Якутская области, Иркутская и Енисейская губернии сведения о наличии конфессиональных некрополей не предоставили¹².

Не всегда захоронения осуществлялись в одном месте на протяжении десятилетий. Исторически сложилось так, что в титульном городе Томской губернии местонахождение католического кладбища меняло свои географические координаты, а потому краеведы говорят о «католических кладбищах». Упоминаются Шведская гора и Соляная площадь в Томске, Вознесенская гора, а также «местность за городом вдоль Иркутского тракта по его левой стороне (если ехать из города)»¹³. На плане города возникали новые жилые кварталы, а некогда окраинные территории, отведенные в качестве мест для захоронения, оказывались в зоне жилой застройки. Как следствие, строительное управление и городская дума раз за разом выделяли новый земельный участок, который по прошествии времени вновь оказывался востребован градостроителями. В начале 1870-х гг. в Томске появился Пересыльный замок для приема арестантских партий, следовавших транзитом в Восточную Сибирь. Недалеко от его стен расположилось католическое кладбище и православная церковь во имя Великославного Спаса, выстроенная в 1873 г. на средства томского купца-мецената Захария Цыбульского¹⁴. Основной контингент жителей этого «города мертвых» составили ссыльные, скончавшиеся в период этапирования, о чем свидетельствуют акты в метрических книгах¹⁵.

Не только в Сибири, но и в целом в империи католиков вне зависимости от национальности относили к «нерусским», поэтому можно предположить, что и захоронения их должны были бы располагаться отдельно от русских православных. На практике же в сибирских городах это было не совсем так. «Сибирский Чикаго» – город Новониколаевск сформировал единый городской погост для представителей всех вероисповеданий с разбивкой на сектора: православный, мусульманский, иудейский, католический и лютеранский. По сообщениям

¹¹ Католическая энциклопедия. М., 2005. Т. 2. С. 1052–1053.

¹² Города России в 1910 г. СПб., 1914. С. 1049, 1119.

¹³ Ханевич В.А. Из истории католических кладбищ Томска. Томск, 2002. С. 11–21.

¹⁴ Там же. С. 19.

¹⁵ Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. 440. Оп. 1. Д. 1; Оп. 2. Д. 1–12; Ф. 527. Оп. 1. Д. 7, 49, 61, 71, 77, 85, 101, 118, 130, 144–146, 165, 178, 195, 211, 224, 237, 249, 265.

потомков-наследников, «священник хоронил только верующих людей, а тех, кто в Бога не верил, хоронили в отдельной стороне кладбища»¹⁶. По той же логике омские католики получили участок земли для кладбища в 1895 г. за Казачьим кладбищем, а иркутские в 1772 г. совершили первые захоронения в католической части городского Иерусалимского кладбища. «Католическая часть занимала территорию, выходящую на 1-ю Иерусалимскую улицу. Рядом с польским находилось немецкое кладбище, у обоих был один караульный»¹⁷. С течением времени единое по площади Иерусалимское кладбище разделилось на конфессиональные сектора-кварталы и к началу XX в. представляло собой несколько самостоятельных обособленных частей: православную, католическую, старообрядческую, иудейскую, протестантскую.

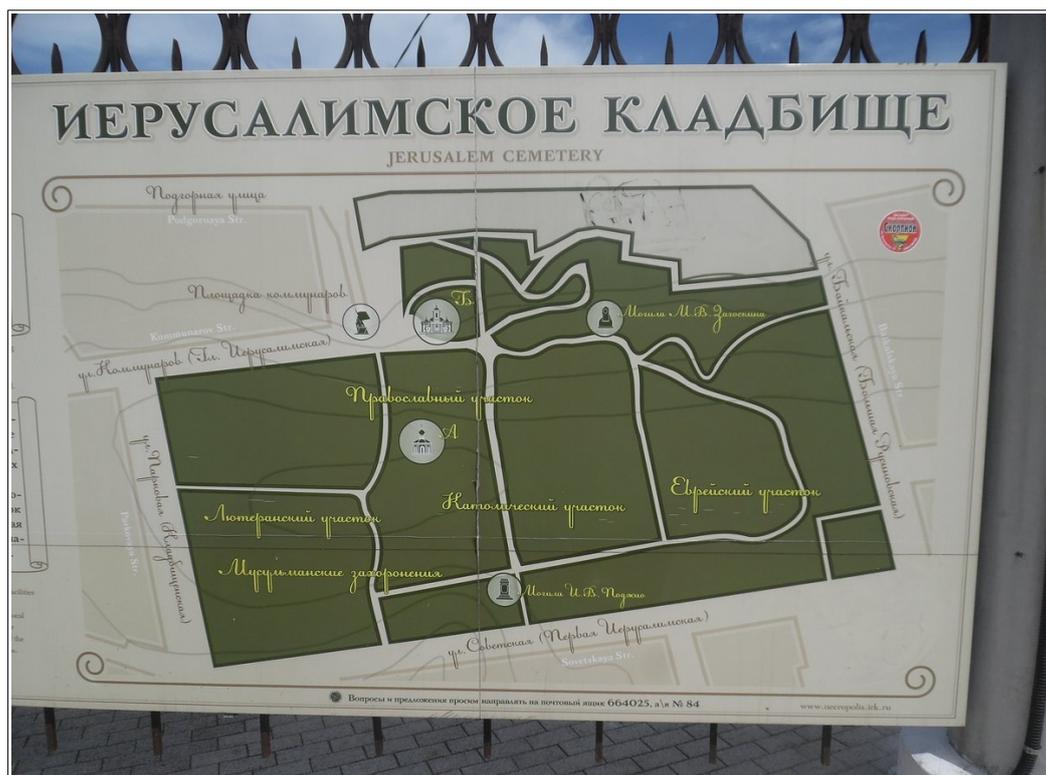

Рис. 4. Иерусалимское кладбище в Иркутске. Секторальный принцип организации конфессиональных захоронений. Фото автора

Католические кладбища функционировали в сибирских городах вплоть до 1920-х гг., а в Томске до 1939 г. включительно.

В ряде случаев (отсутствие конфессионального некрополя, смерть на железнодорожной станции, погребение скончавшегося в госпитале военнослужащего) умершие могли быть похоронены и в иных местах. Достоверно известно, что в Тобольске умершие католики похоронены на старом Завальном кладбище, в Барнауле рядом со зданием католической церкви находилось несколько захоронений. Указом Городской думы г. Красноярска от 9 августа 1902 г. за № 1140 католической общине был выделен земельный участок под собственное кладбище¹⁸.

В материалах периодической печати практически столетней давности сохранились свидетельства о том, что в сибирских городах Омске и Томске на кладбищах имелись специальные католические часовни, где проводился обряд отпевания. По существующей традиции, святой Антоний Падуанский являлся небесным покровителем этих культовых строений-каплиц. Сохранилось описание часовенки на Томском католическом кладбище.

¹⁶ Воспоминания Бах Янины Станиславовны // Архив автора. 29 мая 2009 г.

¹⁷ Иерусалимское кладбище [Электронный ресурс]. URL: <http://express.irkutsk.ru/history/cemetery/ierus.htm> (дата обращения: 16.08.2023).

¹⁸ Денисова Е.А. Развитие католических общин в Приенисейской Сибири до революции 1917 г. // Красноярский край: прошлое, настоящее, будущее. Красноярск, 2009. Т. 1. С. 55–58.

«Вблизи ворот на центральной аллее кладбища по духовному завещанию и на средства купца второй гильдии Антона Шилкевича была построена небольшая из красного кирпича часовня, освященная 13 июня 1911 г. ксендзом Иосифом Демикисом во имя св. Антония Падуанского. Построенная в готическом стиле, высокая, она имела в основании размер всего 2,5 м на 2,5 м. Узкие стрельчатые окна расположены на восточной и западной стенах часовни, двухстворчатая железная дверь со стеклянными витражами выходила на юг. Внутри находился узкий мраморный подиум, на который устанавливали гроб с умершим для отпевания»¹⁹.

Бремя содержания кладбища распределялось церковным старостой между членами общины. Прихожанин польского костела в селе Белосток, что на севере Томской губернии, вспоминал следующее. «Как слышал Петр Рафаилович Серко от своего отца, придет, бывало, церковный староста старик Дацук к кому-нибудь и говорит: “Ты, хозяин, должен привезти к кладбищу или костелу столько-то сосновых бревнышек для городьбы”. Такого рода поручения исполнялись неукоснительно»²⁰.

Особенности погребальной обрядности у католиков-немцев. У немцев Сибири сформировался полноценный комплекс похоронной обрядности. Этнографы отмечают, что погребальный обряд является одним из важнейших элементов духовной культуры, а его основные элементы мало подвержены изменениям, «так как основные участники погребального обряда – это люди старшего поколения, которые наиболее консервативны в сложившихся традициях»²¹. Представители каждой из западных христианских конфессий (католики, лютеране, меннониты) считают траурные церемонии отличительными чертами именно «своей религии». После обобщения результатов этнографических экспедиций в 1996–1998 гг. в южных районах Западной Сибири Татьяна Борисовна Смирнова пришла к выводу, что «немецкая обрядность, в том числе и похоронная, имеет большое количество локальных вариантов, поскольку само немецкое население является гетерогенным по своему составу <...> Несмотря на общее сходство похоронного обряда всех немцев Сибири, практически в каждом селе, в каждой деревне имеются отличительные особенности, какие-либо свои, присущие только данной группе немцев, элементы обряда»²². В отличие от похорон православных, отмечали информанты этнографов, погребение усопших католиков происходило эмоционально более сдержанно. «Когда гроб с телом умершего опускался в землю, всегда пели одну только песню “Schicksal” (судьба)... Проповедь, которая на похоронах у взрослых обычно посвящена их жизни, на похоронах детей включает в себя наставления родителям, поскольку смерть ребенка – это всегда наказание родителей за их грехи. На похоронах младенцев иногда пели детские песни, которые обычно матери поют своим детям»²³. Поминальная трапеза не устраивалась. Не проводилась она также ни на девятый, ни на сороковой день, ни в годовщину смерти, что для православного окружения было непонятно и являлось предметом осуждения как знак невнимания и непочтения к усопшему.

Рис. 5. Завальное кладбище в Тобольске.
Фото автора

¹⁹ Maciesza A. Dzieje Kolonii Polskiej w Tomsku 1604–1900 // Przeszłość. 1934. № 7. S. 107.

²⁰ Ханевич В. А. Сельский храм // Сибирская католическая газета. Новосибирск, 1996. № 11. С. 22.

²¹ Иващенко О.И. К вопросу о трансформации традиционных элементов погребального обряда немцев Западной Сибири // Сибирская деревня: история, современное состояние, перспективы развития. Омск, 2000. С. 166.

²² Смирнова Т.Б. Обычай «Totenhochzeit» у немцев Сибири // Культура. Немцы Сибири. 2010. № 1 (18). С. 15–20.

²³ Там же. С. 18.

Похоронам предшествовала поминальная ночь – по-немецки «Todewacht»: люди всю ночь молились, однако никаких поминальных песен или псалмов не пели, а читали «Жизнь и страдания Христа». Читали по очереди, как только один человек заканчивал чтение, следом за ним сразу же начинал читать другой. Таким образом, молитва продолжалась до самого утра.

Общей чертой, присущей всем конфессиональным группам немцев Сибири, являлось захоронение в гробах черного цвета. «В гроб либо не кладут ничего, либо кладут зеленые ветки папоротника, либо еловые ветки. Детей и молодых людей хоронят в гробах белого, реже голубого (в основном у лютеран) цвета. В этом случае в гробу очень много цветов, особенно в изголовье»²⁴.

С цветами, с праздничным убранством похоронной процессии связан традиционный немецкий обычай «Totenhochzeit», именуемый «венчанием покойников». Немцы-католики утверждают, что это их «религиозный обычай», но этнографы склонны считать его проявлением общенациональной традиции. «Немецкие авторы пишут о том, что обычай “Totenhochzeit” получил широкое распространение во многих германских землях, эпицентром его распространения были Гессен, Тюрингия, Бавария, Бранденбург и Нижняя Саксония. Из этих земель происходила значительная часть переселенцев в России. Массовое переселение немцев на территорию Российской империи происходило с 1764 г. и до середины XIX в. Можно с большой степенью уверенности утверждать, что немцы принесли этот обычай с собой сначала из Германии в колонии, образованные в европейской части России, а впоследствии – и в Сибирь»²⁵. Сущность этого обычая в следующем. В случае смерти девочки (даже новорожденной), девушки или молодой незамужней женщины при положении в гроб ее одевали в свадебное платье, а на голову надевали свадебный венок с фатой, называемый Rosenkranz. Мальчиков, юношей и неженатых мужчин (в том числе пожилых, но никогда не состоявших в браке по причине физических или психических увечий) хоронили в свадебном костюме, на лацкане пиджака с левой стороны крепилось свадебное украшение из цветов и лент, называемое Strauss²⁶. «Немцы в Сибири устраивают “Totenhochzeit” для всех, не состоявших в браке – от грудных младенцев и до старых дев и холостых мужчин любого возраста»²⁷. Необходимость «венчания покойников» информантами объясняется необходимостью прохождения человека через все жизненные циклы. Немцы Сибири, католики в том числе, крайне негативно относились к безбрачию. Брак обязателен для каждого: если при жизни человек не успел создать свою семью, он должен пройти через обряд венчания перед похоронами. «Венок покойника» не изготавливался индивидуально для каждой умершей, он хранился в церкви в деревянном ящике со стеклянной крышкой, являясь своего рода сакральным облачением. Во время траурной церемонии его снимали с головы покойницы и укладывали на крышку гроба, а затем несли впереди траурной процессии, направлявшейся к кладбищу.

Почитание мертвых нашло свое отражение и в календарной обрядности сибирских немцев-католиков. То, что в пасхальное воскресенье все жители деревни шли на кладбище, являлось выражением почтения к усопшим, напоминанием о смерти и воскресении Христа. Именно таким образом в картине мира сибирских немцев-католиков совершалось отождествление мира земного и мира небесного, отражались эсхатологические представления о мире. Заслуживает внимания зафиксированный, в том числе и у сибирских немцев католического вероисповедания, обычай во время летней засухи ходить на могилы родственников «для вызывания дождя». Под чтение молитв могилы окроплялись водой с целью «обеспечения хорошей погоды», необходимой для созревания богатого урожая²⁸. Религиозные пред-

²⁴ Смирнова Т.Б. Обычай «Totenhochzeit» у немцев Сибири... С. 17.

²⁵ Там же. С. 18.

²⁶ Соколова В.К. Об историко-этнографическом значении народной поэтической образности (образ свадьбы-смерти в славянском фольклоре) // Фольклор и этнография. Связи фольклора с древними представлениями и обрядами. Л., 1977. С. 195.

²⁷ Смирнова Т.Б. Обычай «Totenhochzeit» у немцев Сибири... С. 17.

²⁸ Рублевская С.А. Календарная обрядность немцев Западной Сибири... С. 12.

ставления в данном случае переплетаются с традиционными народными верованиями, принесенными еще из страны выхода (Германии), выступают в роли этноконсолидирующего фактора.

Особенности погребальной обрядности у католиков-поляков. В рамках одной религиозной конфессии выделяются национальные традиции почитания умерших. Общими чертами польских католических кладбищ в Сибири являлись: центральная дорожка на погосте, разделявшая кладбище на две части, нетипичный (для православных) порядок захоронения, лаконичные четырехконечные кресты либо кресты с домиками наверху (чаще всего кресты были деревянными, но встречались и каменные)²⁹. Некрополи, как правило, имели семейный характер: могилы мужа и жены находились рядом, близ них – дети, внуки, другие родственники. До наших дней сохранились могилы первых жителей польской деревни Деспотзиновка Саргатского района Омской области: Анны Гасевич, Станислава и Вероники Рабкевич, Магдалины Чикинской, Петра и Веры Богданович, Павла и Констанции Шафранских, Станислава и Анны Апанских³⁰. Нередко возле такого захоронения либо у входа на кладбище родственниками покойных возводилась беседка с распятием Иисуса Христа. Формой увековечения памяти об усопших являлось установление могильных плит. «Tu spoczywają zwłoki Stanisława i Antoniego Turczanis... Pokuj ich duszy» («Тут покоятся останки Станислава и Антония Турчанис... Упокой их души»), – пример стандартной надписи на надгробии³¹.

Характерный элемент погребальной обрядности, присущий католическим погостам, – поминальный крест в центре кладбища с укрепленным на нем распятием Иисуса Христа и находящийся рядом с ним общий поминальный стол, а не индивидуальные столики возле каждой могилы.

Захоронения в сельской местности, где политика светских властей в 1930-е гг. не ставила целью их уничтожение, демонстрируют высокую степень сохранности. Селяне в большей мере стремились сохранить семейные традиции, а уход за могилами предков в их картине мира представлялся святой обязанностью живых. До наших дней сохраняет самобытность внешний вид польского католического кладбища села Гриневицы, что в Тарском районе Омской области. Отчет разъездного отряда этнографической экспедиции кафедры этнографии и музееведения Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского за 2005 г. фиксирует следующее: «О первоначальном населении Гриневиц свидетельствует польское кладбище, расположенное у въезда в деревню <...> В результате проведенного полевого исследования было выяснено, что этнический состав деревни полностью поменялся. Современные жители Гриневиц считают себя русскими, но знают, что раньше здесь проживали поляки, и помнят место, где раньше располагался костел <...> Нынешним жителям деревни кажутся странными правила, принятые у поляков, и прежде всего захоронение ногами к дороге, которая делит кладбище на две части. Часть погребенных на кладбище оказалась похороненной головой на восток, вторая лежит головой на запад»³². Именно это обстоятельство способствовало консервации польского кладбища, признанию его конфессиональным захоронением католиков.

Безусловно, каких-то канонических или административных предписаний на этот счет не существовало. Единство погребальной традиции в картине мира, общность поминальной трапезы выступали маркерами конфессиональной идентичности.

Таким образом, сформировавшееся у сибиряков-католиков представление о смерти не было случайным: окончание жизненного пути связывалось с представлением о переходе в чистилище и мир иной. Сибирь представлялась не до конца ментально освоенным ландшафтом, а потому сохранение похоронной обрядности и молитвенное сопровождение единоверцев выполняли важную смысловую нагрузку. Во многих сибирских семьях сохра-

²⁹ Федорчук С. Римско-католическая церковь на Сахалине. Южно-Сахалинск, 1998. С. 76, 79.

³⁰ Нестерова Л.Л. История польской деревни Деспотзиновка: от истоков к современности // Сибирская деревня: прошлое, настоящее, будущее. Омск, 2010. Ч. 2. С. 426.

³¹ Leończyk S. Cmentarze polskie na Uralu i Syberii. Paris, 2018. S. 49–51.

³² Бережнова М.Л., Крих А.А. Гриневицы... С. 433.

няются преимущественно свадебные и похоронные ритуалы, передающиеся из поколения в поколение.

Специальная заупокойная месса римского обряда именуется Requiem, по первым словам входного песнопения. Практика заказных частных литургий об упокоении отдельных усопших получила свое распространение со времен Средневековья. Именно в такой форме сибирские католики, часто не имевшие возможности обратиться к священнику в момент похорон родственника, «постфактум» отпевали ушедших в мир иной.

Литература

Андрюнина М.А. Погребальная и поминальная обрядность Пружанщины по материалам полевой экспедиции 2019 г. в Пружанский район Брестской области Белоруссии // Вестник антропологии. 2020. № 1 (49). С. 163–191.

Бережнова М.Л., Крих А.А. Гриневици: польское кладбище «русской деревни» // Сибирская деревня: прошлое, настоящее, будущее: сб. науч. тр. Омск, 2010. Ч. 2. С. 432–436.

Виженкас Э. В. Погребальная обрядность села Вершина Иркутской области // Живая старина. 2021. № 2 (110). С. 21–24.

Голант Н.Г., Струтинский И.М. Погребальная обрядность влахов долины Тимока. Обзор экспедиции в Восточную Сербию // Славяноведение. 2023. № 2. С. 125–135.

Денисова Е.А. Развитие католических общин в Приенисейской Сибири до революции 1917 г. // Красноярский край: прошлое, настоящее, будущее. Красноярск, 2009. Т. 1. С. 55–58.

Иващенко О.И. К вопросу о трансформации традиционных элементов погребального обряда немцев Западной Сибири // Сибирская деревня: история, современное состояние, перспективы развития. Омск, 2000. С. 166–167.

Кануков З.Т. Погребальная обрядность алан и персов: схождения и интерпретации // Вестник Северо-Осетинского государственного университета им. К. Хетагурова. 2023. № 3. С. 66–74.

Католическая энциклопедия / гл. ред Г. Церох. М.: Изд-во францисканцев, 2005. Т. 2. 964 с.

Католическая энциклопедия / гл. ред Г. Церох. М.: Изд-во францисканцев, 2007. Т. 3. 1910 с.

Недзелюк Т.Г. Конфессиональное сообщество католиков Сибири: влияние мировоззрения на повседневную жизнь (1830–1917 гг.). Новосибирск: СИУ РАНХиГС, 2016. 345 с.

Недзелюк Т.Г. Мигранты в Сибири и из Сибири: к вопросу о многоплановости векторов государственно-конфессиональных отношений // Сибирь и Россия: история и культура: материалы X Сибирского исторического форума (Красноярск, 18–20 октября 2023 г.). М.: Перо, 2023. С. 1190–1194.

Недзелюк Т.Г. Сибирские духовные лица в борьбе с эпидемиями // Религиоведение. 2023. № 1. С. 15–21.

Нестерова Л.Л. История польской деревни Деспотзиновка: от истоков к современности // Сибирская деревня: прошлое, настоящее, будущее: сб. науч. тр. Омск, 2010. Ч. 2. С. 421–426.

Овсейчик В.Е. Погребальная обрядность белорусского сельского населения Подвинья на современном этапе // Этнография. 2021. № 2 (12). С. 52–71.

Смирнова Т.Б. Обычай «Totenhochzeit» у немцев Сибири // Культура. Немцы Сибири. 2010. № 1 (18). С. 15–20.

Соколова В.К. Об историко-этнографическом значении народной поэтической образности (образ свадьбы-смерти в славянском фольклоре) // Фольклор и этнография. Связи фольклора с древними представлениями и обрядами. Л., 1977. С. 193–196.

Суриков И.Е. Погребальная обрядность в архаических и классических Афинах: религиозные, социокультурные, политический аспекты // Восточная Европа в древности и средневековье. 2021. Т. 33. С. 266–271.

Рублевская С.А. Календарная обрядность немцев Западной Сибири конца XIX–XX вв.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 1997. 21 с.

Федорчук С. Римско-католическая церковь на Сахалине. Южно-Сахалинск, 1998. 88 с.

Фурсова Е.Ф. Традиционно-бытовые особенности культуры белорусов-переселенцев конца XIX – начала XX в. (по материалам этнографических экспедиций) // Белорусы в Сибири. Новосибирск: СО РАН, 2000. С. 102–124.

Ханевич, В.А. Из истории католических кладбищ Томска // Католический некрополь города Томска (1841–1919 гг.). Томск, 2001. С. 11–38.

Leończyk S. Cmentarze polskie na Uralu i Syberii. Paris: APAJTE Éditions, 2018. 107 s.

References

Andryunina, M.A. (2020). Pogrebal'naya i pominal'naya obryadnost' Pruzhanshchiny po materialam polevoy ekspeditsii 2019 g. v Pruzhanskiy rayon Brestskoy oblasti Belorussii [Funeral and Memorial Rites of the Pruzhany Region Based on the Materials of the 2019 Field Expedition to the Pruzhany District of the Brest Region of Belarus]. In *Vestnik antropologii*. No. 1 (49), pp. 163–191.

Berezhnova, M.L., Krikh, A.A. (2010). Grinevichi: pol'skoe kladbishche "russkoy derevni" [Grinevichi: Polish Cemetery of the "Russian Village"]. In *Sibirskaya derevnya: proshloe, nastoyashchee, budushchee*. Omsk. Part 2, pp. 432–436.

Vizhentas, E.V. (2021). Pogrebal'naya obryadnost' sela Vershina Irkutskoy oblasti [Funeral Rites of the Village of Vershina, Irkutsk Region]. In *Zhivaya starina*. No. 2 (110), pp. 21–24.

Golant, N.G., Strutinskiy, I.M. (2023). Pogrebal'naya obryadnost' vlahov doliny Timoka. Obzor ekspeditsii v Vostochnuyu Serbiyu [Funeral Rites of the Vlachs of the Timok Valley. Overview of the Expedition to Eastern Serbia]. In *Slavyanovedenie*. No. 2, pp. 125–135.

Denisova, E.A. (2009). Razvitie katolicheskikh obshchin v Prieniseyskoy Sibiri do revolyutsii 1917 g. [The Development of Catholic Communities in Yenisei Siberia Before the 1917 Revolution]. In *Krasnoyarskiy kray: proshloe, nastoyashchee, budushchee*. Krasnoyarsk. Vol. 1, pp. 55–58.

Ivashchenko, O.I. (2000). K voprosu o transformatsii traditsionnykh elementov pogrebal'nogo obryada nemtsev Zapadnoy Sibiri [On the Question of the Transformation of the Traditional Elements of the Funeral rite of the Germans of Western Siberia]. In *Sibirskaya derevnya: istoriya, sovremennoe sostoyanie, perspektivy razvitiya*. Omsk, pp. 166–167.

Fedorchuk, S. (1998). *Rimsko-katolicheskaya tserkov' na Sakhaline* [Roman Catholic Church on Sakhalin]. Yuzhno-Sakhalinsk. 88 p.

Fursova, E.F. (2000). Traditsionno-bytovye osobennosti kul'tury belorusov-pereselentsev kontsa XIX – nachala XX v. (po materialam etnograficheskikh ekspeditsiy) [Traditional and Everyday Features of the Culture of the Belarusian Immigrants of the Late 19th – Early 20th Centuries (Based on the Materials of Ethnographic Expeditions)]. In *Belorusy v Sibiri*. Novosibirsk, SO RAN, pp. 102–124.

Kanukov, Z.T. (2023). Pogrebal'naya obryadnost' alan i persov: skhozheniya i interpretatsii [Funeral Rites of the Alans and Persians: Convergence and Interpretation]. In *Vestnik Severo-Osetinskogo gosudarstvennogo universiteta im. K. Hetagurova*. No. 3, pp. 66–74.

Khanevich, V.A. (2001). Iz istorii katolicheskikh kladbishch Tomсka [From the History of Catholic cemeteries in Tomsk Catholic Necropolis of Tomsk (1841–1919)]. In *Katolicheskii nekropol' goroda Tomсka (1841–1919 gg.)*. Tomsk, pp. 11–38.

Leończyk, S. (2018). *Cmentarze polskie na Uralu i Syberii* [Polish cemeteries in the Urals and Siberia]. Paris, APAJTE Éditions. 107 s.

Nedzelyuk, T.G. (2016). *Konfessional'noe soobshchestvo katolikov Sibiri: vliyanie mirovozzreniya na povsednevnyuyu zhizn' (1830–1917 gg.)*. [Confessional Community of Catholics of Siberia: The Influence of Worldview on Everyday Life (1830–1917)]. Novosibirsk. 345 p.

Nedzelyuk, T.G. (2023). Migranty v Sibiri i iz Sibiri: k voprosu o mnogoplanovosti vektorov gosudarstvenno-konfessional'nyh otnosheniy [Migrants in and from Siberia: On the Issue of the Multidimensional Vectors of State-Confessional Relations]. In *Sibir' i Rossiya: istoriya i kul'tura*. Moscow, pp. 1190–1194.

Nedzelyuk, T.G. (2023). Sibirskie dukhovnye litsa v bor'be s epidemiyami [Siberian Clerics in the Fight against Epidemics]. In *Religiovedenie*. No. 1, pp. 15–21.

Nesterova, L.L. (2010). Istoriya pol'skoy derevni Despotzinovka: ot istokov k sovremennosti [The History of the Polish Village of Despotzinovka: From the Origins to the Present]. In *Sibirskaya derevnya: proshloe, nastoyashchee, budushchee*. Omsk. Part 2, pp. 421–426.

Ovseychik, V.E. (2021). Pogrebal'naya obryadnost' belorusskogo sel'skogo naseleniya Podvin'ya na sovremennom etape [Funeral Rites of the Belarusian Rural Population of Podvinye at the Present Stage]. In *Etnografiya*. No. 2 (12), pp. 52–71.

Rublevskaya, S.A. (1997). *Kalendarnaya obryadnost' nemtsev Zapadnoy Sibiri kontsa XIX–XX vv.: avtoref. dis. ... kand. ist. nauk* [Calendar Rituals of the Germans of Western Siberia at the End of the 19th – 20th Centuries], Dr. hist. sci. diss. abstract. Novosibirsk. 21 p.

Smirnova, T.B. (2010). Obychay "Totenhochzeit" u nemtsev Sibiri [The Custom of "Totenhochzeit" among the Germans of Siberia]. In *Kul'tura. Nemtsy Sibiri*. No. 1 (18), pp. 15–20.

Sokolova, V.K. (1977). Ob istoriko-etnograficheskom znachenii narodnoy poeticheskoy obraznosti (obraz svad'by-smerti v slavyanskom fol'klоре) [On the Historical and Ethnographic Significance of Folk Poetic Imagery (The Image of the Wedding-Death in Slavic Folklore)]. In *Fol'klор i etnografiya. Svyazi fol'klора s drevnimi predstavleniyami i obryadami*. Leningrad, pp. 193–196.

Surikov, I.E. (2021). Pogrebal'naya obryadnost' v arhaicheskikh i klassicheskikh Afinakh: religioznye, sotsiokul'turnye, politicheskii aspekty [Funeral Rites in Archaic and Classical Athens: Religious, Socio-Cultural, Political Aspects]. In *Vostochnaya Evropa v drevnosti i srednevekov'e*. Vol. 33, pp. 266–271.

Tserokh, G. (Ed.). (2005). *Katolicheskaya entsiklopediya* [The Catholic Encyclopedia]. Vol. 2. Moskva, Izdatel'stvo frantsiskantsev. 964 p.

Tserokh, G. (Ed.). (2007). *Katolicheskaya entsiklopediya* [The Catholic Encyclopedia]. Vol. 3. Moskva, Izdatel'stvo frantsiskantsev. 1910 p.